

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА: СУБЪЕКТ ИЛИ ОБЪЕКТ?¹

Н.А. Берсенева

CHILDREN'S BURIALS IN THE CONTEXT OF FUNERAL RITES OF THE BRONZE AGE PERIOD IN THE SOUTHERN URALS: A SUBJECT OR AN OBJECT?¹

N. Berseneva

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, детские погребения, объект, субъект

Работа посвящена интерпретации детских парных и коллективных погребений бронзового века Южного Урала (XXI-XV вв. до н.э.). Детские захоронения этого периода выделяются своей многочисленностью и вариативностью по сравнению с другими эпохами. Их можно рассматривать и как погребения самостоятельных субъектов, «культурно-созданных» индивидов, и как примеры (результаты) манипуляций с ребенком-объектом со стороны взрослых. Таким образом, в обществах Южного Урала эпохи бронзы не было единой практики посмертного обращения с детьми, с ними обращались в зависимости от обстоятельств: как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений. Большое количество детей на памятниках исследуемого периода может объясняться их ценностью для коллектива, возможно, сакрального характера.

Keywords: the Bronze Age, Southern Urals, children's burials, an object, a subject

This article is devoted to the study of paired and collective burials of children related to the Bronze Age in the Southern Urals (XXI-XV centuries BC). In comparison with the other times, children's graves of this period are characterized by variability and multiplicity. Such graves could be classified both as the burials of independent subjects, or as the examples of manipulations with a kid, thus treated as an object, processed by adults. Hence, we conclude that there was no universal attitude to children after death in the South Ural communities of the Bronze Age. Infants were treated as subjects or as objects depending on the circumstances and therefore, different types of children's burials had different implications. A large number of kids found on the archaeological sites referred to the analyzed period could be explained by their exceptional, probably sacral, role for the collective.

В современной науке считается общепринятым, что возрастные, гендерные и прочие социальные категории представляют собой культурные конструкции, которые создаются в рамках общественных норм и стереотипов [Diaz-Andreu et al., 2005]. Следовательно, археология может попытаться изучить эти структуры, основываясь на сохранившихся данных материальной культуры – археологических источниках. Главными источниками, предоставляющими нам информацию о древних людях, являются погребальные памятники, так как именно там мы имеем дело непосредственно с индивидом. Долгое время информация, содержащаяся в антропологических останках, систематически недооценивалась археологами, и не только в отечественной науке.

В последние десятилетия ситуация изменилась, и сейчас человеческое тело воспринимается как ценный и независимый источник информации для реконструкции образа жизни умершего, его родственных связей, системы питания, региона происхождения и многих других аспектов его жизни и смерти [Gowland, 2013].

Однако человеческое тело представляет для археологов интерес не только с биологической точки зрения. Реконструкция погребальных норм древних людей полагается также и на контекст находок. По мнению ряда исследователей, в археологии слишком глубоко укоренилась идея о разделении погребального комплекса на две оппозиции: человек и артефакты, или субъект (продукт культуры) и сопровождающие его предме-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (государственное задание 33.5494.2017/БЧ)

ты (продукты материального мира) [Sofaer, 2006. P. 62-63]. Гораздо реже археологи обращаются в своих интерпретациях к противоположной проблеме – насколько люди могут быть подобны предметам? Тело человека после смерти становится объектом манипуляций со стороны живых в той же мере, что и окружающие его предметы. Следовательно, более продуктивно не противопоставлять «тело как артефакт» и «тело как продукт жизненного цикла и социальной структуры», а исследовать обе стороны медали. Тогда изучение человеческого тела «как объекта» будет иметь скорее позитивные, чем негативные коннотации [Sofaer, 2006. P. 88].

В данной статье мне бы хотелось рассмотреть детские захоронения эпохи бронзы Южного Урала не только как погребения субъектов, «культурно-созданных» индивидов, но и как объекты манипуляций. Общеизвестно, что количество детских захоронений в указанный период велико, и типы их варьируют. Особенно вариабелен синташтинский погребальный обряд. Детей размещали в могильниках вместе с взрослыми, с другими детьми, индивидуально, а иногда на поселениях [Vinogradov, 2013]. Петровские погребения, несмотря на то, что кажутся более простыми, представлены в общем теми же типами, исключая крупные детские усыпальницы [Берсенева, Куприянова, 2015]. В срубно-алакульский период обряд в целом упрощается и преобладают индивидуальные детские ямы, но известны, тем не менее, парные и тройные захоронения, а также погребения детей и взрослых в одной могильной яме [Куприянова, Зданович, 2015; Рафикова, 2008]. Кроме того, продолжают практиковаться захоронения на поселениях.

Представляется, исследователь должен задать себе вопрос: почему так много разнообразных способов обращения с детьми после смерти в одном и том же обществе? Всегда ли с умершим ребенком поступали как с «культурно-созданным» субъектом, или он мог быть размещен в могильной яме в качестве объекта, подобно погребальному инвентарю?

Очевидно, что детские индивидуальные могильные ямы предназначались для захоронения конкретного ребенка, и в этом случае он, вероятнее всего, выступал как субъект погребения. Гораздо сложнее выглядит ситуация с неиндивидуальными погребениями.

Прежде всего, коллективная форма сама по себе должна допускаться системой верований и, вероятно, представлениями о сути обрядов перехода. Церемонии совершались для нескольких покойных разом, значит, между ними или существовала раньше, или создавалась новая связь, и в это вкладывался определенный смысл. Люди, связанные в жизни, могли мыслиться таковыми и

после смерти, поскольку их «души» вместе преодолевали все ритуалы. Дети в этом случае могли служить «медиаторами», проводниками в иной мир, так как были теснее связаны с предками и сами относительно недавно пребывали в некоем потустороннем мире.

Если погребальная практика допускает совместные захоронения наряду с индивидуальными, то время от времени живые оказываются перед выбором: как хоронить умерших? Первый вариант – предположительно весеннее погребение покойников, хранящихся с зимы. Возможно, синташтинское население предпочитало именно этот способ и хоронило покойных в больших коллективных ямах, принимая во внимание семейно-родственные связи (например, крупные детские усыпальницы могильников КА-5, Большекараганский [Епимахов, 2005; Зданович, 2002]).

Второй вариант – «случайная» и/или «естественная», относительно одновременная смерть нескольких человек, семьи или родственников. Теоретически, в этом нет ничего невозможного, и некоторые погребения выглядят именно как захоронения родителей и детей [Берсенева, 2015] или матери и ее новорожденных младенцев [Петров, Куприянова, 2016].

Но встречаются могильные ямы, в которых тело ребенка можно рассматривать как объект, одну из составляющих погребального ансамбля. В одном из захоронений могильника Бестамак тело ребенка (около 2 мес.) занимало «подчиненное» положение по отношению к телу взрослого мужчины – в ногах [Логвин, Шевнина, 2013]. Несмотря на то, что рядом с ним были кости жертвенного животного и бронзовое тесло, маленькое тело выглядит скорее как часть жертвенного комплекса, нежели как субъект захоронения с принадлежащими ему предметами. Погребение маленького ребенка (1,5-2 года) с двумя псалиями в районе стоп в крупном тройном колесничном погребении могильника Степное-1 можно интерпретировать в том же ключе [Куприянова, 2016. Рис. 14]. В первом случае авторы склонны рассматривать тело младенца как жертвоприношение предполагаемого раба [Логвин, Шевнина, 2013. С. 358], но это вовсе необязательно. Смерть ребенка могла не быть насильственной, а если и была, такая кончина все равно могла бы рассматриваться как ценный подарок богам или предкам, как votivное приношение потустороннему миру [Crawford, 2007. P. 89; Garwood, 2007. P. 73].

Парные или коллективные детские усыпальницы также не всегда могут быть объяснены «одновременной и естественной» смертью нескольких детей. Погребения детей «в позе объятий» выглядят особенно интригующе. Наиболее

показательны захоронения на памятниках Кулевчи VI [Виноградов, 1998], Селивановский II [Рафикова, 2008], Степное VII [Куприянова, 2015]. Эти погребения по аранжировке и составу инвентаря абсолютно аналогичны погребениям взрослых «в позе объятий». Индивид на правом боку практически всегда имел полный набор бронзовых украшений, при этом пара сопровождалась еще одним или двумя покойными. Погребения «в позе объятий» сейчас интерпретируются как захоронения супругов (взрослые) [Рафикова, 2008. С. 81], или будущих супругов (дети). Некоторые исследователи придерживаются следующего мнения: эта позиция скорее воплощала идею «священного брака», нежели отражала реальный [Куприянова, 2015. С. 91]. Такая интерпретация представляется приемлемой, но умерли ли покойные (часто 3-4 человека) «одновременно и естественно»? Достаточно ли было простой смерти супругов с относительно небольшим временным промежутком для создания подобного захоронения или этого требовали какие-то обстоятельства, сложившиеся в жизни сообщества?

Можно интерпретировать такие погребения, особенно детские (они не могли еще быть супругами, но имитировали и/или замещали взрослых мужчину и женщину), как своего рода жертвенные комплексы, устроенные не для того, чтобы отразить социальную идентичность умерших, а с целью передать послание богам или потусторонним силам. Скорее всего, эти комплексы формировались в какое-то трудное для сообщества время, когда люди пытались привлечь внимание небес к своим проблемам. С детьми в таком случае обращались как с предметами: уложили в определенной позиции, одного из них, вероятно,

девочку, богато украсили. Данные погребения выглядят высоко сакрализованными – они не просто результат обряда удаления умерших детей от живущих сородичей. С этой точки зрения уникальный курган I Селивановского II могильника [Рафикова, 2008], где из 14 могильных ям было исследовано шесть (!) парных и коллективных усыпальниц, содержащих захоронения взрослых и детей «в позе объятий», определенно можно расценивать как жертвенный комплекс, а не как кладбище с отдельными могилами. Трудно себе представить, чтобы все *одновременно* погребенные люди и умерли *одновременно* естественной смертью, что это простое совпадение.

Очевидно, что невозможно объяснить причины разных форм взаимодействия с умершими в рамках *единой* гипотезы или концепции. Этнография предлагает множество примеров различного обращения с различными покойниками внутри даже одного сообщества [Уско, 1969]. Особенно это касается отдаления умерших детей, так они не имели, в силу возраста, широких социальных связей. В каждом конкретном случае живущими родственниками, скорее всего, в рамках семьи, принималось решение: похоронить ли ребенка индивидуально или нет, в могильнике, на поселении или где-то еще. Также нет ничего невозможного в том, что в критических или иных обстоятельствах у ребенка могла быть отнята жизнь во благо всего сообщества, в качестве дара богам, для поддержания естественного порядка вещей. В обществах бронзового века Южного Урала не было единой практики посмертного обращения с детьми. С ними обращались в зависимости от обстоятельств: как с объектами или как с субъектами, вкладывая различный смысл в разные типы погребений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берсенева Н.А. «Семейные» (?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории: Сб. науч. ст., посвящ. 550-летию образования Казахского ханства / Гл. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 335-341.

Берсенева Н.А., Куприянова Е.В. Детские погребения петровской культуры Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск, 2015. С. 59-61.

Виноградов Н.Б. Новые материалы для реконструкции облика одежды алакульских женщин (по результатам изучения могильника Кулевчи VI) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М. – Магнитогорск, 1998. С. 186-202.

Епимахов А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) Кн. 1. Челябинск: Челябинский дом печати, 2005. 192 с.

Зданович Д.Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 2002. 216 с.

Куприянова Е.В., Зданович Д.Г. Древности лесостепного Зауралья: могильник Степное VII. Челябинск: Энциклопедия, 2015. 196 с.

Куприянова Е.В. Погребальные практики эпохи бронзы Южного Зауралья: могильник Степное-1. Челябинск: Энциклопедия, 2016. 119 с.

Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // Археология Казахстана в эпоху не-

зависимости: итоги, перспективы. Мат. междунар. конф. 12-15 декабря 2011. г. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. С. 349-359.

Петров Ф.Н., Куприянова Е.В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997-2015 гг. М.: Московский областной общественный фонд «Наследие», 2016. 148 с.

Рафикова Я.В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // Российская археология. 2008. № 4. С. 72-83.

Crawford S. Companions, Co-incidences or Chattels? Children in the Early Anglo-Saxon Multiple Burial Ritual // Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 83-92.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender,

age, status, ethnicity and religion. London and New York: Routledge, 2005. 171 p.

Garwood P. Vital Resources, Ideal Images and Virtual Lives: Children in Early Bronze Age Funerary Ritual // Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 63-82.

Gowland R., Thompson T. Human Identity and Identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 225 p.

Sofaer J.R. The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 188 p.

Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains // World Archaeology. 1969. Vol. 1. P. 262-290.

Vinogradov N.B., Berseneva N.A. Intramural Burials of Children at Bronze Age sites in the Southern Urals (early 2nd millennium BC) // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 41/3. 2013. P. 59-67.

REFERENCES

Berseneva N.A. «Semeinye» (?) pogrebeniya sintashtinskoi kul'tury (epokha bronzy Yuzhnogo Urala) ["Family" (?) burials of the Sintashta Culture (the Bronze Age period in the Southern Urals)] // Kazakhskoye khanstvo v potoke istorii: Sb. nauchnich statei, posvyashennyi 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva / Gl. red. B.A. Bajtanaev. Almaty, 2015. S. 335-331.

Berseneva N.A., Kupriyanova E.V. Detskie pogrebeniya petrovskoi kul'tury Yuzhnogo Zauraliya [Children's burials of the Petrovka Culture in the Southern TransUrals] // Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Chelyabinsk, 2015, S. 59-61.

Crawford S. Companions, Co-incidences or Chattels? Children in the Early Anglo-Saxon Multiple Burial Ritual. Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 83-92.

Diaz-Andreu M., Lucy S., Babic S., Edwards D. The Archaeology of Identity. Approaches to gender, age, status, ethnicity and religion. London and New York: Routledge, 2005. 171 p.

Epimakhov A. V. Rannie kompleksnye obshchestva severa Zentralnoi Evrasii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5) [Early complex societies of the Northern part of Central Eurasia (a study based on the materials from a burial ground Kamennyi Ambar-5)]. Chelyabinsk: Chelyabinskii Dom Pechati, 2005. 192 s.

Garwood P. Vital Resources, Ideal Images and Virtual Lives: Children in Early Bronze Age Funerary Ritual. Children, Childhood and Society. BAR International Series 1696. Oxford: Archaeopress, 2007. P. 63-82.

Gowland R., Thompson T. Human Identity and Identification. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 225 p.

Kupriyanova E.V. Pogrebal'nye praktiki epokhi Bronzy Yuzhnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoye-1 [Burial rites of the Southern TransUral societies during the Bronze Age period: based on Stepnoye-1 burial ground]. Chelyabinsk: Enziklopediya, 2016. 119 s.

Kupriyanova E.V., Zdanovich D.G. Drevnosti Lesostepnogo Zaural'ya: Mogil'nik Stepnoye VII [Antiquities of forest-steppe TransUrals: Stepnoye VII burial ground]. Chelyabinsk: Enziklopediya, 2015. 196 s.

Logvin A.V., Shevnina I.V. Ob odnom sintashtinskom pogrebal'nom komplekse mogil'nika Bestamak [On the Sintashta burial complex located at the Bestamak burial ground] // Arheologiya Kazhastana v ehposhu nezavisimosti: itogi, perspektivy. Мат. mezhdunar. конф. 12-15 dekabrya 2011. г. Алматы: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2013. S. 349-359.

Petrov F.N., Kupriyanova E.V. Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoi doline: po resul'tatam pazvedochnykh issledovaniy 1997-2015 gg. [The Bronze Age settlements of Arkaim valley: a report based on the results of archaeological surveys in 1997-2015]. М.: Moskovskii oblastnoi obshchestvennyi fond "Nasledie", 2016. 148 s.

Rafikova Ya.V. Sрубno-Alakul'skii kurgan Seliвановского II могил'ника из Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh zakhoroneniy epokhi bronzy [A mound of the Sрубno-Alakul' culture located on the territory of Selivanovsky II burial ground

(Southern TransUrals): on the problem of the Bronze Age paired burials] // Rossiiskaya arkheologiya. 2008. № 4. S. 72-83.

Sofaer J.R. The Body as Material Culture. A Theoretical Osteoarchaeology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 188 p.

Ucko P.J. Ethnography and the archaeological interpretation of funerary remains. World Archaeology. 1969. Vol. 1. P. 262-290.

Vinogradov N.B. Novye materialy dlya rekonstruktsii oblika odezhdy alakul'skikh zhenshin (po resul'tatam izycheniya mogil'nika Kulevchi VI) [New materials applied for the clothes reconstruction of the Alakul' women (based on the study of

Kulevchi VI cemetery)] // Problemy istorii, filologii, kul'tury. Vyp. VI. M. – Magnitogorsk, 1998. S. 186-202.

Vinogradov N.B., Berseneva N.A. Intramural Burials of Children at Bronze Age sites in the Southern Urals (early 2nd millennium BC) // Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia. 41/3. 2013. P. 59-67.

Zdanovich D.G. Arkaim: nekropol' (po materialam kurgana 25 Bol'shekaraganskogo mogil'nika) [Arkaim: necropolis (based on the materials of mound 25 located on the territory of Bol'shekaragansky burial ground)]. Kn. 1. Chelyabinsk: Uzhno-Ural'skoe kn. Izd-vo, 2002. 216 s.